

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию на соискание ученой степени

кандидата юридических наук Тиханова Никиты Анатольевича

на тему «Система органов публичной власти в финансово-экономической сфере в

Российской Федерации: функциональный подход»

по специальности 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»

Диссертационное исследование Никиты Анатольевича Тиханова посвящено безусловно важной в научном и практическом отношении проблеме функционирования органов публичной власти в финансово-экономической сфере Российской Федерации.

В отечественной конституционалистике данным сюжетам, как представляется, уделялось не слишком много внимания. Традиционно исследовательский интерес был сосредоточен на проблемах, связанных с конституционно-правовым статусом отдельных органов публичной власти, действующих в соответствующей сфере. В то время как механизм их взаимодействия и практика реализации функций отдельных органов публичной власти получали лишь фрагментарное рассмотрение в отдельных отраслевых исследованиях, где не затрагивалась конституционно-правовая проблематика системы органов публичной власти в целом. В этой связи актуальность системного конституционно-правового анализа данных сюжетов не вызывает сомнений.

Актуальность темы диссертационного исследования, следует признать, усиливается объективными процессами, присущими современной финансово-экономической сфере и определяющими преобладающие тенденции ее правового регулирования. Все это ставит перед правовой наукой целую совокупность серьезных вопросов, адекватный ответ на которые требует не только обстоятельного знания нормативных и эмпирических данных, но и надежности методологических подходов.

Соискателем избран функциональный подход, в настоящий момент не получивший еще широкого распространения в конституционно-правовой науке, но вполне органичный для выбранного к рассмотрению круга проблем и способствующий достижению целей предпринятого исследования. Соответственно, публично-властное воздействие на финансово-экономическую сферу исследуется в ракурсе функциональной специфики указанной сферы (параграф 1.1). Соотнося анализ данного воздействия с целеполаганием и конечными результатами (эффективностью), такой методологический выбор кажется вполне оправданным.

Главным образом внимание исследователя сконцентрировано — в контексте финансово-экономической сферы — на диалектическом противоречии между, с одной стороны, единством публично-властной воли (прямо предполагаемым суверенитетом) и, с другой стороны, принципом разделения властей (вкупе с системой сдержек и противовесов), предполагающим определенную институциональную автономию органов государственной власти. Причем не только по отношению к органам, принадлежащим к другим ее ветвям, но и — ввиду специализации функций (прибегая к терминам функционализма) — в пределах отдельных ветвей государственной власти. Диапазон такого рода автономии различен (применительно, например, к ЦБ РФ, исходя из стоящих перед этим органом целей и необходимости нейтрализации возможных рисков на пути их

достижения, он достигает, очевидно, максимальных значений), однако никогда и нигде она не абсолютна.

Соискателем проанализирован значительный пласт доктринальных источников – охвачены не только конституционно-правовые исследования, непосредственно связанные с темой исследования, а также фундаментальные труды общего характера, но и работы, принадлежащие иным отраслям права (в частности, банковскому и финансовому праву). С учетом целей и задач диссертационного исследования, а также известной национальной специфики системы органов публичной власти в финансово-экономической сфере отказ от объемных и всесторонних сравнительно-правовых штудий представляется отчасти оправданным, что, впрочем, не равнозначно отказу от компаративного анализа как такового.

Соискателем уделено достаточное внимание практике высших судов (Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации), а также практике органов публичной власти в финансово-экономической сфере, в особенности квазинормативным и рекомендательным актам.

В целом, достоверность и обоснованность результатов исследования не вызывает сомнений.

Структура диссертации соответствует целям и задачам, указанным соискателем, и позволяет в достаточной степени последовательно раскрыть тему исследования.

В русле избранной методологии Н.А. Тиханов проводит детальный анализ конституционно-правовых проблем функционирования публично-властного механизма, действующего в финансово-экономической сфере (преимущественно параграф 2.1), достаточно убедительное обосновывая предложения по совершенствованию институционального взаимодействия, выявляя сопутствующие проблемы и риски (параграф 2.2).

Приходя к выводу о том, что в рамках действующей модели разделения государственной власти соподчиненность в чистом, основывающемся на императивных началах, невозможна (с. 110-111), соискатель справедливо сосредотачивается на анализе консультативных форматов, на согласовании действий рассматриваемых органов публичной власти. В этом контексте примечателен и не вызывает крупных возражений обосновываемый автором подход к вопросу независимости Банка России (параграф 2.3., с. 118). Строго обуславливая таковую функциональными соображениями, автор по большей части не склонен к восприятию ее в качестве самоценной «вещи в себе» (о некоторых отступлениях от этой линии будет сказано ниже).

Кроме того, достоинством диссертационного исследования является, на наш взгляд, разработанная соискателем концепция компенсаторных механизмов, которые осуществляются органами публичной власти в целях нейтрализации проблемных элементов межинституционального взаимодействия. Проводится системный анализ компенсаторных функций наиболее значимых публично-властных инструментов и практик, реализуемых в нормотворческой и административной плоскостях. Отмечая выигрышные стороны таковых, диссертант вместе с тем признает и определенные негативные последствия их распространения, прежде всего риск увеличения регуляторной нагрузки, в явном виде не предполагаемой федеральным законодательством, а также

противоречие с конституционным принципом правовой определенности (см., в частности, с. 16-17 диссертации). С опорой на концепцию компенсаторных механизмов обстоятельно исследуются практики контрсанкционного регулирования, также недостаточно освещенные в конституционно-правовой литературе.

Исходя из сказанного выше, благодаря верным методологическим ориентирам и последовательному им следованию, аргументированности промежуточных и итоговых результатов диссертационная работа обладает признаками научной новизны.

Наряду с отмеченными выше положительными чертами в диссертационном исследовании Н.А. Тиханова имеют место спорные и неотчетливо сформулированные положения, а также отдельные неточности.

1. Объект исследования неожиданным образом отчасти совпадает с предметом, а в некоторых аспектах даже оказывается еще более узким («специфика реализации отдельных властных полномочий»), чем предмет («специфика реализации властных полномочий»).

Акцент, сделанный уже в самом названии диссертации на функциональном подходе в качестве магистрального, предполагает, на наш взгляд, более обстоятельное обоснование отобранных для целей исследования из обширного методологического арсенала функционализма инструментов и процедур, что позволяет в полной мере учесть потенциал функционального метода¹.

Автор оперирует общим термином «власть» и производными от него («органы власти»). Правильнее все же говорить именно о «публичной власти» или «государственной власти», а также о соответствующих органах.

Автор неоднократно отмечает «противоречие между функциональным подходом и принципом разделения властей». Это верно относительно лишь первоначальной (вернее, представленной в трактате «О духе законов») версии указанного принципа, однако система сдержек и противовесов существенно гармонизирует заветы Ш. Монтескье с подходами, скажем, Л. Дюги и К. Реннера, Т. Парсонса и Н. Лумана.

Вызывает определенные сомнения корректность бинарного деления государств на «демократические» и «недемократические» (в частности, КНР характеризуется как

¹ Ср., напр.: *Merton Robert K.* Manifest and Latent Functions in Social Theory and Social Culture (1968); *Luhmann Niklas.* Funktionale Methode und juristische Entscheidung, (1969) 94 Archiv für öffentliches Recht; *Golding Martin P.* Realism and Functionalism in the Legal Thought of Felix S. Cohen, 66 Cornell L. Rev. 1032 (1981); *Claire Suzanne Priew.* Separation of Powers: A New Look at the Functionalist Approach, 40 Case W. Res. L. Rev. 331 (1989); *Kirsten Scheiwe.* Was ist ein funktionales Äquivalent in der Rechtsvergleichung? (2000) 83 Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft; *Husa Jaakko.* Farewell to Functionalism or Methodological Tolerance? (2003), 67 RabelsZ; *Graziadei Michele.* The Functionalist Heritage, in Pierre Legrand and Roderick Munday (eds), *Comparative Legal Studies: Traditions and Transitions* (2003); *Parisi Francesco, Klick Jonathan.* Functional Law and Economics: The Search for Value-Neutral Principles of Lawmaking, 79 Chi.-Kent L. Rev. 431 (2004); *Michaels Ralf.* The Functional Method of Comparative Law, Duke Law School Legal Studies, Research Paper Series № 87 November 2005; *Zumbansen Peer.* Formalism, Functionalism and the Ironic Turn of Reflexive Law, *American Journal of Comparative Law* 56.3 (2008); *Hurdik J.* (2015). Functional system of private law principles, *International Letters of Social and Humanistic Sciences*, 56; *Bignami Francesca.* Formal Versus Functional Method in Comparative Constitutional Law, *Law Journal* 53.2 (2016); *Roermund Bert, van.* Law and Functionalism: The Limited Function of Law, *Law and Method*, April 2015; *Vig Tanya.* Can the rule of law be compromised in favour of legal functionalism? // *Indian Journal of Law and Legal Research* Volume VII Issue III.

недемократическое государство); эта упрощенная и изрядно идеологизированная классификация уходит в прошлое.

В добротном обзоре становления и эволюции идеи разделения властей несколько удивляет отсутствие труда Н.Н. Ворошилова «Критический обзор учения о разделении властей» (Ярославль, 1871), который, как кажется, не утратил своего значения и в наши дни. В рамках концептуальной ретроспективы также можно было бы упомянуть и Л.А. Тихомирова, представившего в «Монархической государственности» оригинальную концепцию «специализированных властей», функционалистскую по своим методологическим посылам.

2. Имея в виду требование единства экономического пространства, равно как и другие конституционно закрепленные (и подробно раскрываемые, отметим, в правовых позициях Конституционного Суда РФ) цели и задачи, трудно согласиться с тезисом автора об «отсутствии единых целей, общих для органов власти, в части воздействия на финансово-экономическую сферу». К сожалению, в диссертационной работе не использована публичная аналитика Конституционного Суда РФ. И в первую очередь Информации «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты» (2020 г.), консолидирующей правовые позиции относительно конституционно обусловленных требований, как в целом предъявляемых к правовому регулированию и правоприменению в финансово-экономической сфере, так и непосредственно касающихся деятельности ЦБ РФ, ФАС, некоторых иных рассматриваемых в диссертации органов публичной власти.

Автор относит решения Конституционного Суда к правоприменительной практике, однако с учетом содержащихся в этих актах обязательных предписаний, обращенных к нормотворцам, это все же источники *sui generis*, не принадлежащие к «правоприменительной практике» в общепринятом ее значении. Обращает внимание и то, что в отрыве от сложившейся в юридической библиографии последовательности решения Конституционного Суда в библиографическом списке отчего-то идут вслед за решениями Верховного Суда.

Автор считает, что «цели принятия указов, обозначенные в преамбуле Указа от 01.03.2022 № 81, отличаются от закрепленных в Конституции РФ», а потому предлагает «задаться вопросом: являются ли защита национальных интересов Российской Федерации, обеспечение ее финансовой стабильности допустимыми целями»? С учетом роли конституционной интерпретации и ее возможностей, вероятно, в данном случае корректней все же вести речь о «текстуально закрепленных целях».

3. По мнению автора, экстраординарное регулирование, включая прежде всего антисанкционное, является отходом от конституционного принципа разделения властей (уточним, что вопреки мнению автора антироссийские санкции стартовали все же несколько раньше 2022 г. — в 2014 г.). По сути ставится вопрос об антиконституционности регулирования, ибо ничем иным отступление от конституционного принципа не может быть. На наш взгляд, это оценка излишне категорична и с ней сложно согласиться. Вместе с тем в оптике функционального подхода

данное регулирование — в качестве «компенсаторного механизма» — воспринимается положительно. Значит ли это, что, указывая на одновременно неконституционность и функциональность рассматриваемого регулирования, автор настаивает на дисфункциональности конституционного принципа разделения властей (по крайней мере, в названном аспекте)? Как вообще им соотносятся категории «легитимности» и «функциональности»? И как, с его точки зрения, должны разрешаться их коллизии? Ответ на все эти вопросы немаловажен в особенности с учетом довольно рискованного (с позиций конституционной демократии) вопроса автора о принципиальной возможности объективной оценки неспециализированными органами власти эффективности деятельности Банка России. По предположению автора, «фактически, в силу отсутствия необходимой компетенции, такая ответственность будет носить политический характер, что в значительной степени может угрожать независимости Банка России, являющейся элементом его конституционного статуса, а следовательно, может негативно влиять и на эффективность осуществления им своей деятельности».

И вот здесь возникает еще более масштабный вопрос эпистемологического, а возможно и деонтологического, свойства. Конечно, функциональное восприятие правовой действительности серьезно отличается от формального-юридического (догматического). И в этом плане, как было сказано, интересна предлагаемая автором характеристика не получивших нормативное закрепление административных практик в качестве «компенсаторных механизмов». Но насколько свободен конституционалист в обосновании функционалистскими доводами антиконституционных, по его же словам, реалий?

4. Автор негативно характеризует «возможность привлечения к де-факто политической ответственности Председателя Банка России в случае неэффективности деятельности Банка России». По его словам, это «снижает независимость Банка России». Полагаем, однако, что речь идет о частном случае действия сдержек и противовесов — неперемennого атрибута принципа разделения властей. А потому не можем разделить вывод, к которому приходит автор, будто «независимость Банка России в настоящий момент не может рассматриваться как в полной мере достаточная ни с правовой <...> ни с политической точки зрения». Еще большее наращивание институциональной автономии, чревато, если придерживаться авторских же представлений о системе сдержек и противовесов, выходом за ее пределы. Не говоря уже о том, что фетишизация автономности «монетарных властей» — один из ключевых признаков неолиберальной модели, от которой ныне отходят многие государства, не исключая и Россию.

Также высказываются опасения относительно того, что решения Государственной Думы в отношении денежно-кредитной политики Банка России могут быть «сведены исключительно к политическим вопросам, что создает риск возникновения неразрешимых противоречий, в условиях которых Государственная Дума не сможет выступить медиатором». Но ведь законодательный орган это не бюрократическая и не технократическая институция, а главная национальная площадка состязания политических сил. И политических коннотаций в указанных решениях никак не избежать. Автора беспокоит, что возможное со стороны Государственной Думы «политическое воздействие

<...> является крайне существенным риском независимости Банка России». Однако, повторим еще раз, в силу самой природы представительных институтов такое воздействие полностью исключить невозможно. Важен его общий баланс, т.е. способствует ли оно укреплению демократической легитимности и согласуется ли с системой сдержек и противовесов. Упования же на то, что в механизме парламентского контроля за ЦБ РФ, можно, сохранив правовое оформление, устранить политическое наполнение, представляются иллюзорными.

Помимо отмеченной концептуальной шаткости, некоторые выводы, к которым приходит в этой связи автор, нуждаются, с нашей точки зрения, в большей обоснованности эмпирическими данными. Так, например, отсутствие анализа конкретных проявлений парламентско-контрольной деятельности и их результативности придает отчасти умозрительный характер рассуждениям об угрозах независимости ЦБ РФ со стороны парламента.

5. При обсуждении взаимодействия ЦБ РФ с иными органами публичной власти, возможно, заслуживают упоминания совместные письма (например, с Минфином РФ, ФАС РФ), и Межведомственные координационные комиссии (например, по реализации Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года). Говоря о подзаконных актах ЦБ РФ, возможно следовало бы сопоставить регулятивное значение, оказываемое *de jure* и *de facto* каждым из их видов — включая не упомянутые автором телеграммы ЦБ РФ, указания ЦБ РФ, решения Совета директоров ЦБ РФ, официальные разъяснения ЦБ РФ, а также появившиеся на волне цифровизации новые виды².

Как следует из текста, отказы Верховного Суда РФ в оспаривании писем ЦБ РФ всегда мотивированы формальными мотивами, а именно отсутствием у названных актов нормативных свойств. Как автор, опираясь на известную правовую позицию Конституционного Суда, сам оценивает этот подход, его вектор? Как неосновательно формалистичный, или как верный и по форме, и по существу?

Стоит ли, по мнению автора, подвергать проекты писем Федеральной налоговой службы предварительному контролю со стороны Минюста России?

Не вполне понятно, что имеет в виду автор, упоминая о «наиболее абстрактных целях деятельности Банка России»?

6. Некоторые неточности и неясности присутствуют и в рубрикации библиографического списка. В частности, словари и учебно-методическая литература не относятся к научной литературе; Постановления Пленума Верховного Суда РФ, будучи актами судебной власти, не относятся к решениям (т.е. юрисдикционным актам); «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» (утв. Минфином России) и «Основные

² См, напр., «Порядок реализации функций и исполнения обязанностей удостоверяющего центра Центрального банка Российской Федерации», «Порядок взаимодействия автоматизированной системы «Центральный каталог кредитных историй» с субъектами кредитных историй, пользователями кредитных историй и арбитражными управляющими», «Руководство по обеспечению безопасности использования квалифицированной электронной подписи и средств квалифицированной электронной подписи» и т.д.

направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов» (утв. Банком России) являются документами программного характера, а не нормативно-правовыми актами³.

7. Порой выводам автора недостает определенности, местами проблемно-ориентированный, а стало быть, критический анализ подменяется описательностью, безоценочным изложением встречающихся в литературе подходов, без артикуляции позиции, занимаемой самим исследователем. Нередко, высказав аргументы *pro* и *contra*, автор считает излишним пояснить, какой же точки зрения он в итоге придерживается. К примеру, констатируется «невозможность в настоящее время создания и формализации статуса единого координирующего центра». При этом отнюдь не ясна оценка этой ситуации самим исследователем. Это объективная неизбежность? Это положительное явление, обеспечивающее действительное разделение властей? Это дисфункция, требующая преодоления?

Следует поставить, пишет автор, «вопрос о соответствии указов положениям федеральных законов, на основании которых они приняты, однако положения федерального законодательства сформулированы таким образом, что позволяют широко толковать закрепленные в них перечни возможных мер. В связи с этим, признание принятия указов с хотя бы частичным выходом за пределы компетенции, установленной федеральным законодательством, представляется невозможным». И вновь не ясно — относит ли автор констатируемое к дефектам, подлежащим исправлению, или нет.

Автор указывает на «необходимость выхода за формальные пределы компетенции органов власти в финансово-экономической сфере, установленные федеральными законами», видя в «использовании механизмов, фактически направленных на преодоление пробелов в регулировании, компенсаторное явление, имеющее своей целью обеспечение эффективного осуществления деятельности системы органов власти в указанной сфере». И сразу же отмечает, что «целесообразность применения подобных практик не может нивелировать риск отсутствия эффективного контроля в системе сдержек и противовесов и создания правовой неопределенности, в том числе обусловленной возможной непредсказуемостью для подвластных субъектов действий органов власти».

³ Помимо того, в списке фигурируют т.н. «глухие ссылки», на соответствующие тома собрания сочинений, без указания конкретного произведения. Например, остается гадать, что привлекло внимание автора в т.6 Собрания сочинений И.Канта — «Религия в пределах только разума» или «Метафизика нравов»? Какой именно из нескольких десятков статей, созданных К.Марксом и Ф.Энгельсом с марта по ноябрь 1848 года, он воспользовался, обратившись к т.5 их Сочинений. И какая конкретно из опубликованных в «Избранных произведений» К.Маркса работ была использована в диссертационном исследовании (вообще, не ясны причины обращения к этому двухтомнику 1940 г. при параллельном использовании 39-томного издания сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса — самой полной публикации литературного и эпистолярного наследия классиков).

Живой интерес вызывают мотивы, побудившие автора, судя по сноскам, обратиться, помимо двух отечественных публикаций гегелевской «Философии права» (Гегель Г.В. Сочинения. М.; Л., 1934. Т. 7; Гегель Г.В. Философия права. М., 1990) — переводов с канонического второго издания (1833 г.), снабженного методологически значимыми добавлениями Э. Ганса — к первому изданию (1821 г.): «Grundlinien der Philosophie des Rechts und Naturrechts und Staatswissenschaft im Grundrisse»? Впрочем, в библиографическом списке это издание отчего-то фигурирует с усеченным названием и добавок без указания фамилии создателя — «Georg W.F.H. Grundlinien der Philosophie des Rechts. Berlin, 1821».

Автор полагает, что «интересы субъектов рынка, как представляется, не нарушены». И тут же оговаривается, что «сама по себе подобная дискреция увеличивает риски для национальной правовой системы» и т.д.

Одним словом, не хватает основывающихся на заявленной методологии внятных авторских выводов относительно характеризующих предмет обсуждения баланса достоинств и недостатков.

В том числе, желательна, на наш взгляд, большая отчетливость в осмыслении институционального дизайна штаба монетарной власти — Банка России. Остается не вполне понятным, какой именно статус автор считает для него оптимальным. Отсутствие в ряде выводов ответа, каково же все-таки суммарное соотношение плюсов и минусов, создает ощущение некоторой недосказанности: «Вместе с тем следует учитывать, что полностью независимое выполнение Банком России его функций не представляется возможным, в связи с чем нельзя полностью отказаться от механизма координации и согласования действий органов исполнительной власти и Банка России. В настоящее время, полагаем, отсутствует эффективный механизм взаимодействия»; «Сама по себе возможность наделения Банка России какой-либо компетенцией без прямого указания на то в федеральных законах или Конституции РФ представляется угрозой самостоятельности и независимости Банка России в системе органов власти Российской Федерации. Вместе с тем необходимость описанного порядка определения компетенции Банка России может быть оправдана экстраординарным характером такого регулирования» и т.д.

Очевидно, прояснению очертаний позитивной модели могло бы поспособствовать обращение к релевантному зарубежному опыту. Тем более, что компаративный анализ — «колыбель» функционального метода в юридических исследованиях. Однако автор склонен воздерживаться от компаративного рассмотрения (которое, как кажется, было бы особенно уместно при характеристике статуса ЦБ РФ). Так, например, бегло упомянутая аналитическая модель, содержащая 16 критериев формальной независимости центральных банков (Дж. Ергер, О. Рее), в дальнейшем не используется в исследовательских целях.

Был бы не лишним и разбор конкретных примеров, наглядно иллюстрирующий общие суждения (*case-study*). К слову сказать, именно эту исследовательскую стратегию подразумевает функциональный метод (в отличие, например, от догматического). Отсутствие же сравнительно-правового измерения делает еще более насущным опору на эмпирический, помимо нормативного, материал, демонстрацию рассматриваемых механизмов в действии. Однако по тексту этого не прослеживается.

Наконец, текст не избавлен от стилистических шероховатостей («статейное исследование», «фактором, отягчающим выполнение указанной задачи», «указанным Пленумом в п. 3 во многом воспроизводит позиция» и др.).

Вместе с тем, указанные замечания, отчасти являющиеся дискуссионными либо рекомендательными, рассчитанными на дальнейшее изучение соискателем проблематики, не умаляют значимости осуществленного Н.А. Тихановым диссертационного исследования. Проблемы институционального взаимодействия, о которых пишет автор, очевидно, полностью не могут быть устранены, однако определенная оптимизация — в

пределах действующего конституционного регулирования — вполне возможна. Представляется, что диссертационное исследование в целом оправдало предпринятые усилия.

Полагаем, что диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода: ее содержание соответствует специальности 5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки (по юридическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова; оформление диссертации отвечает требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Исходя из изложенного выше, считаем, что Никита Анатольевич Тиханов заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Официальный оппонент:
доктор юридических наук,
профессор кафедры истории и теории права и государства
юридический факультет

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург)

Карцов Алексей Сергеевич

Контактные данные:
тел.: 8 (812) 335-94-94, e-mail: kartsov-as@ranepa.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
12.00.01 - теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Адрес места работы:

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург), юридический факультет

199178, г. Санкт-Петербург, Средний проспект Васильевского острова, д. 57/43

Тел.: 8 (812) 335-94-94, доб. 2120; e-mail: uf-sziu@ranepa.ru

Подпись А.С. Карцова
усовершено

Ведущий специалист Организации
Юридического факультета

Л.В. Серебrenникова

«___» _____ 20__ г.